

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Маргерита Де Микиель

Уже много лет русисты Отделения языкознания и устного и письменного перевода Высшей школы для устных и письменных переводчиков при Триестском Университете встречаются с коллегами-докторантами и их руководителями из университетов Санкт-Петербурга, Варшавы, Будапешта, Мюнхена, Любляны и Милана. После Санкт-Петербурга (1996), Будапешта (1997) и Мюнхена (1999) четвертая встреча (2001) состоялась в Триесте: настоящий сборник представляет тексты докладов, прочитанных в нашем университете на прошлогодней конференции*.

Темой дискуссий было выбрано прозрачно-загадочное триединство, *Письмо-текст-культура*: своего рода повтор неодинаковых понятий, многозеркальное отражение изоморфных явлений. Три ипостаси одного феномена – явления авторского „я”: трехмерное пространство, которое благодаря поступку письма, осуществляемому в пространстве текста как предмета с неустойчивыми границами, обнаруживает в то же время сложность механизмов, регулирующих процесс культуры в целом.

Неизбежно, наверно, что мы и сделаем, начать с осознания того, что мы переживаем эпоху формирования нового мира – мира единой истории человечества. Вполне закономерно при этом ставить вопрос о судьбе литературы и о роли культурологии в современном состоянии культуры. Наш сборник представляет собой одну из возможных панорам ответов на современные вопросы, связанные с культурой и глобализацией.

Как полагает А. Сказа в открывающей сборник статье, в ответах на вопрос, что такое глобальный мир, встречаются в основном высказывания о двух альтернативных вариантах: о

* См. материалы предшествующих Международных конференций: *Литературоведение XXI века. Анализ текста: метод и результат*, Санкт-Петербург 1996; *Литературоведение XXI века. Текст. Жанр. Автор*, “*Studia russica budapestiniensa*”, IV-V, Budapest 1999; *Литературоведение XXI века. Тексты и контексты русской литературы*, Санкт-Петербург – Мюнхен 2001.

глобализации как гегемонизме (однополюсном мире) и о глобализации демократического полицентризма и равноправного партнерства. Против „меркантилизации знания”, сразу выдвигается альтернативная версия „гуманистической глобализации”. Особенно важно при этом вернуться к понятию культуры как памяти и культурного текста как события, проявляющего интенциональность субъекта. Ведь если правда то, как провоцирует И. Верч, что любой поисковый сервер на Интернете, независимо от нашего желания, рано или поздно выдаст нам *Моцарта и Сальери* А.С. Пушкина, если набрать на клавиатуре слово „Микельанджело”, излишним окажется снова поставить старый семиотический вопрос о предполагаемом „открытии” (в этом случае гипер-) текста и о необходимости границ в его интерпретации. Ставится тогда по-новому и вопрос об ответственности субъекта за свое – написанное и/или прочитанное – слово: что открывает необходимость возвращения в художественную литературу давно потерянного значения этики. А то, что открывает этику текста, это не значение, а путь, пройденный субъектом до явления своего слова, своего собственного языка. Если мнение, сомнение и память, – это те этимологически однокоренные координаты, которые гарантируют ответственный выбор поступающего субъекта, то изучать литературу значит добиваться своего прочтения, стараясь восстановить заложенную в тексте интенциональность. В этом свете особенно страшным оказывается стирание пройденной дороги, которое как раз осуществляется и устанавливается в той наиболее распространенной форме обмена информации и порождения культурных сообщений XXI века, каковой является Интернет. Это – комплексный способ моделирования реальности, новая стадия культурной мифологизации, предполагающий, как утверждает М. Яворник, переход от подражания к симуляции. Но можно симулировать и то, чего нет: от генетически отработанного читателя нового тысячелетия, интернетовского пользователя, опять же требуется, чтобы он верил в реальное существование описываемого, только потому, что оно *написано*. В гиперпространстве мировой сети, где реализуется весьма опасное „постулирование постулатов”, а стирание всех границ сводит любой акт общения ко лживой синхроничности, слово действительно становится мощнейшим (демоническим) оружием. Мы переживаем и в то же вре-

мы создаем виртуальную реальность; существует ли эта реальность, это старый семиотический вопрос, но какова природа этого знака, кто провозглашается ответственным за его постулирование, это вопросы, пусть и безответные, которых нельзя откладывать. При использовании небывалых раньше культурных возможностей, необходимым становится не-делегирование своей ответственности, не-скрывание себя за маской предполагаемого вездесущего присутствия. Интернет как современное семиотическое средство моделирования сложности жизни является в то же время своего рода „гиперочерком”, где отсутствует повествующий субъект – субъект, достойный этого названия, то есть высказывающий себя со своего едино-единственного места в жизни, то есть и в письме. Гиперпространство – это земля всех, то есть ничья. Как в антиморалистических рассказах Вл. Тучкова, в сборнике *Смерть приходит по Интернету*: в мире мрачнейших чувств и убийств, сплошном Интернете, где Интернета просто нет никогда, поскольку мы все – Интернет.

Одного единого определения глобализации нет, есть только разные примеры ее: аналогичным образом, есть разные примеры сопротивления ее всеядному могуществу. Здесь собранные тексты и представляют собой пристальные (порой чисто теоретические, порой конкретно-аналитические) взгляды, противопоставляющиеся „своеобразному косоглазью” (по А. Барикко) глобализации.

Нижеследующее – это своеобразное путешествие по местам классическим в русской литературе. Это очередное посещение слова Крылова, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Чехова, Цветаевой, Бродского, Берберовой; это экскурсия по некоторым опытам авангарда начала века; это рассказ об особых эстетических экспериментах сталинской эпохи и о неофициальной литературе последних двух десятилетий XX века; это и выход к другим культурным внелитературным рядам и к инорусской литературе. Это места классические, потому что классическое это то, по И. Кальвино, что продолжает жить как шум на фоне даже там, где господствует самая несовместимая с ними современность. Классическое это не то, что отсылает назад, к прошлому: это нечто (по У. Эко) „переживающее” настоящее, сопротивляющееся ему: его „сейчас”, его модерна, его мере – его отсутствию всякой меры.

Если не обладать своими классиками, если их не вспоминать, не сохранять память о них, то мы лишь современники, живущие под впечатлением настоящего, вне той критической дистанции, которую классики обеспечивают и которая позволяет не быть рабами современности. Читать классиков, вернуться к их вечным вопросам, это значит не (парафразируя Леопарди) „бросать их в лицо живым”, а противоречить (в том числе культурной) тирании времени. Классики (и об этом свидетельствует и настоящий сборник) отличаются не столько хронологией, сколько топологией: это не „эпохи”, а пространства для мышления. Классики всегда опасны. Они не дают разуму уснуть.

Потому что сверхчеловеческая память Интернета скрывает в себе опасность: разделить участь боргесского Фунеса, помнящего все, что он видит или читает, и по этому самому превратившегося в дурака. Вспоминать это тоже – выбирать.

Выбирается, само собой, и подход к изучаемым культурным явлениям: и здесь проявляется ответственность исследователя, осуществляющего свою интенциональность в прочтении. А даже если, вслед за Д. Коломбо, выразить свою тревогу по поводу того, что большинство современных исследователей осуждает акт письма и рассуждает о культуре, забывая о конкретных текстах, то здесь представленные исследования только подтверждают мысль У. Эко о том, что при столь распространенном пост-модернистском шуме текст как таковой остается единственной утешительной парадигмой, которой можно придерживаться. Уже наступило время *after*-постмодернизма: где снова провозглашается центральная роль пишущего, а потому и читающего, субъекта.

Глобализация – это гипотетический пейзаж потенциальных пространств. Единственное, что может нас спасти от пустоты абсолютного текста, это возвращение этому переполненному отсутствию закономерных границ индивидуальностей. Против ограничения гипотетической глобальной свободы фирменного знака *www* возвышаются стены собственных взглядов, поисков, анализов: высказываются права собственных точек зрения, то есть голосов. Весьма уместно поэтому на страницах настоящего сборника упоминаются слова И. Бродского о том, что если искусство чему-то и учит, это именно частности человеческого существования: „оно вольно или невольно по-

ощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в личности”.

Как нам представляется, „хорошая” глобализация, если она и существует, сделана из тех же самих кирпичей, что и „плохая”: только она их употребляет по-разному. Против культурной гомологизации необходимо вернуться к старой риторической привычке *сомнения*: против глобализации умственных индивидуальностей, но в то же время и против некоторого рода антиглобальных положений, скрывающихся за весьма уютным культурным (утрируя Бахтина) „алиби в бытии”. Не надо, конечно, поддаваться тупому морализму и лживому уму общих мест, демонизируя то, что, наверно, надо только переистолковать: идея чистой глобализации должна неизбежно пройти через новую – внутреннюю – культурную революцию. Единственная форма глобализации, способная нас спасти от дурной бесконечности всевозможных интернетов, это глобальная, *то есть* индивидуальная, форма культуры. Каким-то образом пора начать предаваться своей собственной мечте. Это вопрос воображения, упорства, рвения. Вот в чем наша задача. Вот о чем свидетельствуют и работы данного сборника.

Вот почему, как нам представляется, вполне законно еще раз поставить вопрос об этике и эстетике в культуре. И не случайно, добавим, неоднократно на страницах сборника вспоминается снова метафорическое пророчество Достоевского. Может быть, на самом деле, красота и не спасет мира. Но понимание текста и письма как пространства для проявления субъекта, это и есть место для спасения культуры.

Посвящается инакомыслящим. Красота в глазах того, кто созерцает.